

Насэра

❖
Когда гора заговорила

Миз Валь

Miz Vale

Насэра

<https://litres.ru/74535497>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сквозь крошечную дырку в двери Насэра видит человека, у которого на руке осталось всего два пальца. Он делал бомбы и однажды лежал в траве за спиной её папы.

Горная деревня, жандармская бригада, война, о которой взрослые говорят шёпотом. Пятилетнюю Насэру забирает к себе тётя Зохра. Девочка растёт рядом с Абделькадером, которого вскоре начинает называть папой. Он не говорит о нежности: чинит её красный ранец, закрепляет у двери крючок для пальто и носит в кармане мешочек с землёй, которая, по словам Камеля, отводит пули.

За воротами — письма с угрозами, ночные машины и дорога до школы: меньше двухсот метров, почти десять минут между двумя вооружёнными жандармами. Насэра считает окна, секунды, шаги и миски на столе. Но чем больше она видит, тем труднее понять, как руки, которые чинят ранец и держат малыша, могут пугать других.

Содержание

Глава 1 — Дырка в двери	4
Глава 2 — Вторая мама	11
Глава 3 — Дом при бригаде	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Miz Vale

Насэра

Глава 1 — Дырка в двери

Дырка не больше зёрнышка нута.

Насэра закрывает один глаз и приныкает другим к дереву двери. Щепка колет щёку. Она не шевелится.

По ту сторону двери на металлическом стуле сидит мужчина. Волосы падают ему на плечи. На рубашке не хватает двух пуговиц, а брюки покрыты светлой, почти белой пылью. Он не поднимает головы. Между его ногами кто-то поставил таз с водой, но вода в нём по-прежнему чистая.

Насэра не знает, отказался ли он умыться или ему никто не предложил.

Комната маленькая. Насэра видит только её часть: угол стола, закрытое окно, колено жандарма, стоящего у стены. В коридоре жарко, но пальцами ног она чувствует холод кафельного пола. Сандалии она сняла, чтобы спуститься бесшумно.

Зохра запретила ей выходить из квартиры.

— Останешься с Баширом, — сказала она. — И вниз не спускайся.

Потом положила на тарелку четыре маленьких печенья,

налила кофе в помятый кофейник и отдала поднос Камелю. Насэра подождала, пока он уйдёт вниз по лестнице. Досчитала до двадцати. Уже на пятнадцати ей не сиделось на месте.

Теперь Камель вернулся наверх. Если он увидит её у этой двери, то, может быть, выдаст. Или потребует половину следующего печенья за молчание.

В комнате стул скребёт по полу.

В маленьком кусочке мира, видимом через дырку, появляется Абделькадер. Первой Насэра узнаёт его руку. Широкую, смуглую, с бледным шрамом у большого пальца. Он кладёт фуражку на самый край стола и смотрит на сидящего мужчину.

Голоса он не повышает.

— Ты ел?

Мужчина качает головой.

Абделькадер делает знак жандарму у стены. Тот придвигает к мужчине поднос, приготовленный Зохой. Запах кофе плывёт по коридору. До Насэры добирается и сладкий запах мёда. Она сглатывает слюну.

Наконец мужчина поднимает голову. Его лицо моложе, чем она представляла. Щёки впалые, глаза красные от усталости. Он смотрит на поднос, словно не понимает, чего от него ждут.

— Ешь, — говорит Абделькадер.

Мужчина берёт левой рукой стакан с кофе. Другая рука лежит на бедре ладонью вверх.

Насэра едва не отшатывается.

Но тут же снова прижимается к двери и всматривается.

На этой руке всего два пальца.

Большой палец и мизинец на месте. Между ними кожа стянулась буграми — кое-где гладкими, кое-где шероховатыми. Насэра считает один раз. Потом ещё раз. Два пальца. Она ищет остальные три, словно они могут прятаться под рукавом.

Абделькадер следит за его взглядом.

— Как это случилось?

Прежде чем ответить, мужчина отпивает кофе.

— Бомба.

— Во время нападения?

— Нет. Я её делал.

Молодой жандарм у стены отворачивается к окну. Абделькадер не меняет позы.

— Это была твоя работа?

— Я только этим и занимался.

Насэра знает слово «бомба». Взрослые произносят его с тех пор, как они приехали в Айн-Далию. Произносят тише других слов, словно звук может разбудить что-то под землёй. Ещё она знает, что бомба не всегда похожа на большой чёрный шар из школьной книжки. Камель объяснил ей, что она может поместиться в коробке или сумке, лежать под камнем или у обочины.

Он уверяет, что знает очень многое.

Мужчина ставит стакан. Его здоровая рука слегка дрожит, и кофе выплёскивается в блюдце. Он берёт печенье. Мёд липнет к пальцам.

— Вкусные, — говорит он.

Абделькадер не отвечает. И всё же Насэра чувствует лёгкую гордость. Их испекла Зохра сегодня утром. Она разрешила Насэре растолочь миндаль доньшком стакана.

Мужчина ест медленно, не поднимая глаз. Когда он заканчивает, Абделькадер придвигает второй стул и садится напротив.

— Ты знаешь эти места?

Мужчина вытирает пальцы о брюки.

— Лучше вас.

Жандарм у окна делает шаг вперёд, но Абделькадер останавливает его движением руки.

— Тогда говори.

В комнате повисает тишина. Во дворе хлопает дверца машины. Где-то дальше дважды лает собака. Насэра, сама того не замечая, считает секунды.

Одна. Две. Три. Четыре.

Мужчина смотрит на Абделькадера.

— Я тебя знаю.

Насэра задерживает дыхание.

Никто в бригаде не говорит с Абделькадером так. Мужчины обращаются к нему: «господин аджюдан». Женщины из деревни говорят «господин Абделькадер» или просто пони-

жают голос, когда он проходит мимо. Даже Камель не говорит ему «ты», когда тот в форме.

Абделькадер скрещивает руки на груди.

— Откуда?

— Ты меня никогда не видел.

— Значит, ты меня не знаешь.

На губах мужчины появляется улыбка. Не радостная. Так улыбается тот, кто придерживает важные слова и выбирает момент, когда их произнести.

— Однажды утром ты ехал в колонне из двух машин. Первая остановилась у поворота над ущельем. Ты вышел.

Абделькадер замирает.

— Подошёл к краю. Сцепил руки за спиной и посмотрел на горы.

Насэра представляет эту сцену прежде, чем успевает себя остановить. Она видит серую дорогу, машину Абделькадера, сухую траву и отца, стоящего лицом к горным вершинам. Она хорошо знает эту его привычку — сцеплять руки за спиной. Так он делает, когда думает или ждёт, пока ложь устанет сама.

Мужчина слегка наклоняется вперёд.

— Мы лежали в траве прямо у тебя за спиной.

Насэре кажется, что коридор сжимается вокруг неё.

— Сколько вас было? — спрашивает Абделькадер.

— Достаточно.

— С оружием?

На этот раз мужчина улыбается по-настоящему.

— А зачем бы мы прятались без оружия?

Молодой жандарм сжимает челюсти. Голос Абделькадера не меняется.

— Продолжай.

— Наш командир приказал. Один раз. Потом второй. Ему нужен был ты. Не остальные.

— И всё же я здесь.

Мужчина опускает взгляд на искалеченную руку.

— Да.

— Почему никто не выстрелил?

Снова наступает тишина. Лёгкий ветер загоняет пыль под дверь. Несколько песчинок прилипают к босым ступням Насэры.

Наконец мужчина пожимает плечами.

— Не знаю. Мы пытались. Но никто из нас не смог.

— Оружие само не отказывается стрелять.

— Я и не говорил, что дело в оружии.

Абделькадер пристально смотрит на него. Насэре хочется увидеть лицо отца, но теперь в дырке видны только его плечо и часть щеки.

— Ты ещё немного постоял там, — продолжает мужчина.
— Смотрел на горы, будто они пустые. Потом сел обратно в машину. Когда вы уехали, наш командир орал на нас, пока не сорвал голос.

Что-то трещит за спиной у Насэры.

Она резко оборачивается. Коридор пуст. Это всего лишь деревянная лестница потрескивает от жары.

Когда она снова заглядывает в дырку, Абделькадер уже встал. Он надевает фуражку. Разговор окончен.

Насэра подбирает сандалии и идёт наверх, так и не надев их. Она не бежит. Если побежать, будет слышно.

На лестнице она пытается представить отца у края дороги. Видит его руки за спиной. В нескольких шагах от него шевелится трава. Несколько мужчин смотрят, как он дышит, а он даже не знает, что они там.

До этой минуты Насэра думала, что незнакомцам известны только его форма, машина и имя в письмах с угрозами.

Но кто-то в горах знает даже, как Абделькадер держит руки.

Глава 2 — Вторая мама

Двумя годами раньше дверь кладовой захлопывается с сухим стуком.

Насэра смотрит, как вторая жена её деда прячет ключ в карман платья. На столе остаются горсть манной крупы и немного масла на дне бутылки. Фатиха молча забирает их. Высыпает крупу и выливает масло в щербатую миску, которой пользуется на своей кухне.

— На сегодня хватит, — говорит женщина.

Фатиха опускает голову. Насэра ждёт, что мать ответит, но та лишь берёт миску.

В этом доме каждый знает, какие двери ему можно открывать. Дверь во двор почти никогда не закрывается. Дверь в комнату деда скрипит. Дверь кладовой всегда заперта. Фатиха и Насэра едят в комнатке в глубине дома, а готовят на маленькой плитке у окна. Дядья иногда заходят попросить у них хлеба, даже когда хлеба уже не осталось.

В то утро открывается другая дверь.

Входит Зохра с большой коричневой сумкой в руке.

Она целует Фатиху, потом наклоняется к Насэре. От неё пахнет мылом и дорогой. Платье под пальто помялось за время пути.

— Ты опять выросла.

Насэра не спорит. Она смотрит на сумку.

— А что там?

— Ничего для любопытных.

Зохра улыбается. Фатиха — нет.

Сёстры входят в маленькую комнату и закрывают дверь. Насэра садится в коридоре, прислонившись спиной к стене. Прижимает ухо к двери.

Сначала они говорят так тихо, что она ничего не разбирает. Потом голос Зохры становится громче.

— Так больше нельзя.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Отпусти её со мной.

Наступает долгое молчание.

Насэра понимает, что речь о ней. Отстраняется, но тут же снова прижимает ухо к двери.

— Мама просила нас об этом, — говорит Зохра.

— Она просила нас заботиться друг о друге. А не забирать у меня дочь.

— Я её не забираю.

Насэра не помнит бабушку — мать Фатихи и Зохры. Ей показывали фотографию: женщина с прямой спиной, со сложенными на коленях руками, без улыбки. Насэре объяснили, что это её бабушка. Она знает только, что бабушка умерла и с тех пор каждый повторяет, чего бы та хотела.

За дверью Фатиха начинает беззвучно плакать. Насэра догадывается об этом по паузам между её словами.

— Она решит, что я её бросила.

— Она поверит тому, что увидит. У меня она будет есть вместе с нами. Будет ходить в школу с Камелем. Ты сможешь её навещать.

— А Абделькадер?

— Это он сказал мне приехать.

Насэра уходит из коридора прежде, чем дверь открывается. Возвращается к кухне и садится на корточки перед остывшей плиткой. Когда Фатиха зовёт её, она делает вид, будто удивлена.

Большая коричневая сумка теперь раскрыта на кровати.

— Положи сюда свои платья, — говорит Фатиха.

— Зачем?

— Ты некоторое время поживёшь у тёти.

Насэра смотрит на Зохру. Тётя складывает одеяло, не поднимая глаз.

— Сколько ночей?

— Посмотрим.

— Три?

Никто не отвечает.

Насэра выбирает жёлтое платье, у которого подол с одной стороны ниже. Фатиха добавляет ещё два платья, свитер, носки и расчёску без одного зубца. А потом кладёт в сумку маленькую металлическую ложку.

— Зачем ложка? — спрашивает Зохра.

— Она её любит.

Насэра не знала, что любит эту ложку, пока мать не ска-

зала. Она берёт её и сжимает в кулаке.

На пороге появляется дед и смотрит на сумку.

— Решили?

Фатиха быстро вытирает щёки.

— Да.

Он кладёт руку Насэре на голову. Ладонь остаётся там на секунду — тяжёлая и неловкая.

— Будь умницей.

Вторая жена не выходит попрощаться.

Фатиха провожает дочь до автобусной остановки. Она идёт с одной стороны от Насэры, Зохра — с другой. Ни одна не берёт её за руку. С каждым шагом коричневая сумка ударяется о ногу Зохры.

Когда подъезжает автобус, Фатиха наконец наклоняется к дочери. Поправляет воротник жёлтого платья и проводит пальцами по волосам Насэры.

— Слушайся тётю. Ешь всё, что она тебе даст. Не убегай одна на улицу.

— Ты тоже едешь?

Фатиха отворачивается к дороге.

— Не сегодня.

В автобусе Насэра садится у окна. Зохра ставит сумку между их ногами. Фатиха остаётся у обочины до самого отъезда. Она поднимает руку только один раз.

Всю дорогу Насэра не разжимает кулак, в котором держит маленькую ложку.

После нескольких часов пути появляется Бир-эль-Хейр — низкие дома, стены цвета пыли. Жандармская бригада стоит у выезда из деревни. Металлические ворота отделяют двор от улицы. За воротами сушится бельё между двумя окнами, похожими на все остальные.

Абделькадер выходит открыть ворота.

Он в форме. Насэра уже несколько раз его видела, но все визиты были слишком короткими, чтобы он перестал быть для неё просто мужем Зохран. Он берёт сумку, ни о чём не спрашивая.

— Она ела? — спрашивает он.

— Утром кусок хлеба.

Он смотрит на Насэру, потом на сумку.

— Тогда начнём с этого.

На кухне для неё уже приготовлено место. На столе перед стулом стоят тарелка, стакан и ложка. Насэра сравнивает ложку на столе с той, которую всё ещё держит в руке. Та, что положила Зохран, блестит сильнее.

Вбегает Камель. Ему восемь лет, и он утверждает, что раз он на три года старше, то имеет право устанавливать правила. Насэра просто считает, что он слишком много болтает. Увидев сумку, Камель останавливается.

— А спать она где будет?

— С нами, — отвечает Зохран.

— В моей комнате?

— В дальней комнате.

Камель заметно успокаивается. Он садится напротив Насэры и берёт кусочек картошки с её тарелки. Зохра легонько хлопает его по пальцам.

— Она только приехала.

— Вот именно. Она ещё не знает правил.

Насэра придвигает тарелку ближе к груди.

Абделькадер ест стоя у окна. Закончив, он относит сумку в дальнюю комнату. Потом возвращается с молотком и крючком.

Насэра идёт за ним.

В комнате стоят узкая кровать, маленький шкаф и стул, на который Зохра положила чистое одеяло. Абделькадер закрепляет крючок на стене возле двери. Двух ударов хватает.

— Это для её пальто, — говорит он.

И снова уходит во двор.

Зохра открывает шкаф. Один ящик пуст.

— Этот — твой.

Она достаёт из сумки синее платье. Насэра почти вырывает его у неё из рук.

— Я оставлю его там.

— В сумке?

— Чтобы ничего не забыть, когда поеду обратно.

Зохра садится на край кровати. Она не пытается забрать платье.

— Твоя мама будет тебя навещать.

— В воскресенье?

— Может быть, в воскресенье. Может, в другой день.

— А потом я уеду с ней?

Зохра смотрит на раскрытую сумку, оставшуюся на полу.

— Нет. Ты останешься с нами.

Насэра ждёт продолжения. На неделю. На месяц. До следующего маминого приезда. Но Зохра не называет срока.

Во дворе Абделькадер зовёт жандарма. За воротами заводится машина. Камель возмущается, потому что ему велят что-то убрать на место. Вокруг них дом идёт своим чередом, будто решение уже заняло в нём своё место.

Зохра встаёт и направляется к двери.

— Мама?

Слово вырывается у Насэры прежде, чем она понимает, кого из двух женщин зовёт. Зохра оборачивается, не показывая удивления.

— Да?

Насэра смотрит на раскрытую сумку.

— Можешь оставить дверь открытой?

— Конечно.

Зохра выходит из комнаты, не закрывая за собой дверь.

Насэра прижимает к себе синее платье. Потом кладёт его в пустой ящик. Следом отправляет свитер, носки и сломанную расчёску. Маленькую ложку кладёт последней, в самую глубину.

Она не разбирает сумку до конца.

Но перестаёт за неё держаться.

Глава 3 — Дом при бригаде

Год спустя Насэра узнаёт людей по тому, как они ходят.

Камель сбегает по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Зохра слегка шаркает ногами с тех пор, как её живот округлился. Молодые жандармы пересекают двор слишком быстро, словно вечно куда-то опаздывают. Абделькадер же ступает всей подошвой. Даже когда он не в сапогах, его шаги всё такие же тяжёлые.

По утрам Насэра слышит их ещё до того, как откроет глаза.

Дальняя комната теперь не просто та комната, куда она впервые вошла с коричневой сумкой. Её платья занимают весь ящик. Пальто висит на крючке, который Абделькадер закрепил на стене. Маленькая ложка Фатихи по-прежнему спрятана под носками, но Насэра уже не достаёт её всякий раз, когда во дворе слышится шум мотора.

По звуку она сразу знает, какая машина остановится у бригады, а какая проедет дальше, в деревню.

В тот четверг после обеда кто-то трижды быстро стучит в ворота у дома.

— Это она! — кричит Камель.

Он пробегает через кухню, открывает дверь и зовёт в сторону лестницы:

— Тётя Фатиха!

Насэра остаётся у стола. Ей не нравится слышать перед именем матери слово «тётя». Когда это говорит Камель, всё звучит естественно. Для него Фатиха всегда была тётей.

Фатиха входит со свёртком в серой бумаге. Она кажется худее, чем во время прошлого приезда. Целует Зохру, кладёт руку ей на живот, потом прижимает к себе Насэру.

— Дай на тебя посмотреть.

Насэра выпрямляется. Фатиха приподнимает её подбородок, словно ищет на лице доказательство, что девочку хорошо кормят.

— Ты опять выросла.

Она всегда так говорит.

В свёртке оказывается красный ранец. Жёсткий, с двумя блестящими застёжками и чёрной ручкой. Насэра надевает его на спину. Ранец ещё пуст, но его вес уже тянет плечи назад.

— К первому классу, — говорит Фатиха.

— Она теперь будет с ним спать, — объявляет Камель.

— Замолчи.

Насэра бежит в комнату посмотреть на себя в маленькое зеркало на дверце шкафа. Ранец торчит у неё из-за спины с обеих сторон. Она возвращается на кухню, так его и не сняв.

— Тётя Фатиха, посмотри на застёжки.

Молчание длится меньше секунды. И всё же Насэра его чувствует.

Фатиха опускает глаза на две золотистые застёжки. Под-

няв голову, она улыбается.

— Вижу. Открывай их осторожно, иначе они не прослушат до конца года.

Она не поправляет Насэру. Не просит называть её иначе. Зохра наливает взрослым кофе, а детям молоко. Она остаётся стоять, потому что, по её словам, от стула болит спина. Фатиха велит ей сесть и занимает её место у плитки. Некоторое время сёстры говорят о ребёнке, об одежде Камеля, из которой он уже вырос и которую сохранила Зохра, и об имени Башир, выбранном Абделькадером на случай, если родится мальчик.

Насэра слушает, открывая и закрывая застёжки ранца.

Фатиха уезжает до наступления темноты. На этот раз Насэра провожает её до ворот и не спрашивает, когда они уедут вместе. Ранец она держит за ручку. Фатиха целует её в обе щеки.

— Хорошо учись.

— Она ещё даже не начала, — говорит Камель.

— Тогда для начала пусть не слушает твоих глупостей.

Фатиха смеётся. Потом ворота закрываются между ними.

На следующий день Насэра кладёт в ранец три тетради, две книги Камеля и жестяную коробку. Ей хочется узнать, сколько он выдержит. Она проходит через комнату, коридор, кухню, а потом начинает сначала. На третий раз шов лопается. Правая лямка отрывается, и ранец падает на кафельный пол.

Насэра тут же садится на корточки.

— Я же говорил, будь осторожнее, — кричит Камель со двора.

До возвращения Абделькадера она прячет ранец под кроватью.

Ближе к вечеру Насэра узнаёт его шаги на лестнице. Они медленнее, чем утром. Дверь открывается. Абделькадер кладёт фуражку на стул и моет руки над раковиной. Насэра ждёт, пока он закончит.

Она выносит ранец из комнаты, прижимая его к груди.

— Папа, ты можешь его починить?

Абделькадер берёт ранец. Осматривает разошедшийся шов, потом смотрит на Насэру.

— Ты набила его камнями?

— Тетрадами.

— Сколько?

Она медлит.

— Три.

Камель просовывает голову в дверь.

— И двумя моими книгами.

Абделькадер не улыбается, но уголок его рта едва заметно дёргается. Он приносит толстую иглу, вощённую нить и маленькие плоскогубцы. Садится у окна. Его пальцы протягивают нить сквозь красную кожу с терпением, которого Насэра никогда в нём не замечает, когда жандарм приходит поговорить о работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.